

самого Христа и имеет его силу; помазание миром — «знамение (σημεῖον) Христово»; символическим значением обладают и одежды, в которые облачается новокрещенный (Col. 225 В—233 В).

Еще более подробно Симеон разрабатывает сакральную символику применительно к церковному богослужению. Здесь он как бы завершает на византийской почве длительную (тысячелетнюю) традицию толкования богослужения, постижения его глубинного смысла и значения всех элементов, традицию понимания литургического образа. Не имея здесь возможности подробно анализировать все аспекты литургической эстетики Симеона, я остановлюсь лишь на его понимании символики храма.

Она, как и вся христианская символика, принципиально многозначна и многомерна, и поле образуемых ею значений как раз и включает в себе духовно-символический потенциал храма, его эстетический и религиозный смыслы, слитые здесь практически нераздельно.

Храм, по Симеону, как в свое время ветхозаветная скиния и храм Соломона, изображает собой весь мир, ибо Бог пронизывает собой все и превышает всего. По образу Бога (Троицы) храм имеет трехчастное членение и соответствующую семантику. Членение это осуществляется в нескольких взаимопересекающихся измерениях: в вертикальном, горизонтальном и изнутри вовне. В вертикальном измерении храм является образом видимого мира. Самые верхние части его изображают видимое небо, нижние — то, что находится на земле, и земной рай, внешние части (здесь уже переход к движению изнутри вовне) — только землю и ведущих разумную жизнь (Ibid. Col. 337 D—340 A).

В горизонтальной плоскости алтарь «образует собой» (τύλοῖ) святая святых, горний пренебесный мир; сам храм (наос, корабль) — небесный {444} мир, небо и рай; а крайние части храма, нартекс, притворы и приделы означают землю и то, что обитает на земле (Ibid. Col. 292 A). Алтарь — образ горнего мира; трапеза «образует» (τύλοῖ) престол Бога, а иерарх, ведущий службу, — самого Христа (Col. 337 D). При этом Симеон подчеркивает, что иерарх «образует Богочеловека Иисуса и обладает его силой» (Col. 340 A), т. е. выступает в процессе богослужения литургическим образом, или сакральным символом. Участвующие в богослужении архиереи и священники являют собой ангелов и апостолов. С тех пор как Бог воочеловечился и побывал на земле во плоти, богослужение совершается одновременно на двух уровнях — горнем и дольном. Различие только в том, что *там* все совершается «без завес и символов, а *здесь* — через символы», так как мы облечены тленной плотью и нам недоступно чисто духовное служение (Col. 340 AB).

В другом семантическом ключе (не исключаящем все остальные) трапеза в алтаре предстает рельефным феноменом гроба Христова (το; μνη;μα Χριστοῦ δηλοῦσα) и всего таинства Его жертвоприношения. Здесь Спаситель реально почивает как Бог и свершается Его заклание как человека и вкушение верующими от этой таинственной трапезы (Col. 340 CD).

Тайну символического ядра всей церковной жизни более подробно, еще до Симеона, пытался разъяснить Григорий Палама, пользуясь, кстати говоря, тем же термином τύλος, который в поздней святоотеческой литературе чаще всего применялся для обозначения сакрального символа. «Храм, — писал Палама, — представляется образом (τύλος) Его гроба, и даже более, чем образом; он, быть может, по-иному [реально] являет Его». За завесой на трапезе возлежит само тело Христа, и тот, кто с верой простирает к Богу свои мысли, «ясно узрит духовным взором самого Господа; скажу даже — и телесным [зрением]». И не только увидит Его, но и делается «участником Его, обретет Его обитающим в себе: насладится Им и весь станет „боговидным“» (Ibid. T. 151. Col. 272 CD).

Храм, таким образом, с происходящим в нем действием представлялся византийцам неким сложным сакрально-символическим феноменом, реально, объединявшим небесный и земной уровни бытия (τά α;'; 'νω τοῖς ε;τι; 'η;~ς ε; 'νωσαντα — Ibid. T. 155. Col. 341 D) и приобщавшим верующих к горнему миру и к самому Богу. В этом суть сакрального символизма византийцев.

Осмысливая литургические образы, Симеон Солунский не забывает о видимой красоте храма и входящих в него элементов. В его понимании красота храма символизирует рай, райские небесные дары, знаменует собой саму Жизнь, живую Премудрость, обитающую в храме. «И еще красота храма означает, что Пришедший к нам прекрасен добротой, как всенепорочный, и что Он — прекрасный жених, а церковь — прекрасная и непорочная невеста его» (Ibid. Col. 349 C). Красота храма, таким образом, выступает у Симеона символом основных ценностей христианского универсума — вечной жизни, премудрости, религии и самого Бога.